

ПУТЁМ ОБРЕТЕНИЯ

Сон гневный и странный приснился царю в день, когда яркий Небесный диск показался из мрака задымленных утренних туманов.

Трубы звали с верхних кровель храмов на молитву. В узкие окна были видны коленопреклонённые чернокожие рабы. А царь, возлежа на подушках, полуприкрыв глаза, цепенел от ужаса, вспоминая, как он во сне спускался с дымным факелом в какое-то подземелье по лестнице, по которой рассыпаны были чьи-то побелевшие кости. Царь спускался всё ниже и гневался на свои ноги, которые тяжёлым шагом спускали его по бесконечной лестнице – вопреки его воле. Как заклятый тёмными чарами, шёл он вниз, хотя порывался остановиться, но не мог, ноги не слушались, они несли его... И от бессилия царь беззвучно кричал во сне, исторгая проклятия, но – не слышал своего голоса, он слышал только гулкий грохот своих шагов, что стремили по нескончаемой лестнице вниз...

Гигантским усилием он приказал себе – остановиться...

Но лишь на миг замедлился его шаг, он всё шёл спотыкаясь, спускаясь.

Дымно мигал смолистый огненный факел, освещавший путь. Царь шёл и шёл, как идёт обречённый на казнь.

Он почти смирился со своей участью, хотя в смятении думал о том, чья же воля ведёт его в подземелье, кто гонит его в неминуемую, каменную западню – и зачем? – чтобы заковать в холод оков или утопить в длинном колодце подземной реки, что была уже слышна где-то внизу, под ступенями лестницы...

И вот – вдалеке наконец – царь увидел... Свет... С каждым неверным чужим шагом свет приближался, приближался всё ближе – уже виделось какое-то освещённое пространство – зал, залитый чудным и прозрачным голубым светом, в центре зала – трон и на нём – старец в длинном одеянии, глядящий прямо перед собою. Перед старцем – прозрачный Кристалл на треножнике. В сияющую глубину кристалла погружён взор сидящего, полный суровой силы, полный неземного могущества.

Не его ли Волей я шёл сюда предавшими меня ногами? Не им ли, старцем, отнят божественный дар защищённости от чужих – воли, воздействия, желания? – как только подумал об этом царь, – во внутреннем слухе его раздался ответ:

– Да, ты верно угадал.

В этом старце сила, приведшая на дно веков, в тёмный подвал бытия.

– Кто он? – беззвучно задал вопрос поникший царь. И сразу получил ответ:

– Он – Тайна.

– Кем дана ему Воля надо мною?

– Тем, чьё имя Молчание.

– Не проклята ли его сила?

– Нет, сила его светла, как Луч исходящий от меча в руке ангела, как Свет звезды таинственной, полуночной.

Где-то вверху, где темнели своды подземелья, показались звёзды и тонкая мелодия отдалённо зазвучала в нависшей тишине...

Сметённый царь ощутил почтение к старцу. В глубине своей он стал обретать смирение, был готов опуститься на каменные плиты пола этого большого подземного зала. Старец оторвался от кристалла, выше поднял голову, и над нею различился в волнистом жёлтом сиянии еле видимый Крест – древний знак, маяк вечности.

Царь опустился на колени. Он почувствовал теперь, что стал покорен своей участи. Познал смирение. И когда чувство смирения и готовность к нему объяли его еще недавно надменную душу, в противоположной стороне зала он увидел осветляющийся в темноте путь, ведущий куда-то наверх, будто засветлела дорога к спасению.

Ноги его вновь стали послушные ему, будто теперь воля царя и старца стали едины. Ничего не мешало движению. И царь, уже повинувшись собственной, возвращённой ему воле, двинулся вперёд и, проходя, он увидел, что старец медленно и печально благословил его вслед...

Лёгкими нежданно стали шаги его...

Не незримая сила, а собственная воля уже влекла наверх, вверх по лестнице, к солнцу, – в жизнь. Под сводами тьмы он обрёл благословение и уносил с собой видение подземной тайны и образ того, чья цель – направлять заблудших, тех, кого в глубину подземелий завлекут их дороги. Он понял, что он не одинок, что за ним наблюдает недреманное око. Он уносил с собой веру в Неизречённого, веру в того, чьё имя Молчание... И смирение понимать и повиноваться Тому, кто создал Вселенную.

СЛЫШАВШИЙ, ВИДЕВШИЙ

– Итак, ты видел и слышал пение...

– Нет, это было не пение, это было иначе, это как лучи, которые распрямляют душу. Душа ложиться в колыбель и качается в звуке...

– Ты смеешь воспевать соблазн. (Ах, если бы это услышать!).

– Соблазн? Нет, это пища души – и счастьем, и страданием, и шумом реки, и памятью.

– Твоя пища отравлена. (Он смеет касаться света...)

– Из любой, проникшей в нас отравы, высота наша извлечёт тонкую вытяжку, хрустальную, как спящая ёмкая грань...

– Мы не понимаем тебя. (Скажем, что не понимаем!)

– Выйдите с голубем в руках в утро, когда над горою – пение птиц, когда деревья безмолвны ветвями – познайте первую весть – задержите её в душе – и ноты сомкнутся в захваченный ветром мотив – зрение озарится радостью тихой, щемяще-печальной...

– Ты осмелился одушевлять творение. Путь этот запрещен и тёмн. Мы не понимаем его. (Все понимаем, но мы слепы и не в праве сознаться в своей слепоте, от этого мы не прозреем. Опасен зрячий! Пока он жив, нам не будет покоя, но детям нашим и детям наших детей понадобится зрение).

Пусть продолжает:

...Во вне и внутри, во всём и в каждом, кто видит и слышит, воспримет затишье. Откройтесь, пусть солнце заглянет в глубины!

– Довольно. Ты злоумышляешь нам искушение. (...Всё решено: предательство, казнь – вот, что нужно, чтобы преданию выросли крылья! Он будет сожжён. Ему светел Логос. Наш хаос земной ему бесполезен). Костёр, факелы, паля! Дать ли ему последнее слово? Не нужно. Излишне. Отвергнем последнее слово, потому что слово его не станет последним. Придёт время... И ради того, чтобы это случилось, конечно: костёр, факелы, паля... Молчание вслед.

Свет. Тишина. Бог.

ТРАКТАТ О МЫШИНОМ ДВИГАТЕЛЕ

Задолго до того, как был изобретён машинный двигатель, человечество, само того не зная, стало созерцать мышинный двигатель. Приглядимся к движениям мыши – они подчинены строгой логике целесообразности, заложенной в инстинктивной природе этого «подпольного» существа.

Понять мышинный двигатель, проявления которого видны в пунктирных по сути движениях мыши, мы можем, так как мы обладаем таким ментальным сокровищем как Дхарма или *Вечная Дхарма*, то есть закон неукоснительной целесообразности бытия... Дхарма предписана и предначертана всем слоям земной жизни. Тайна Дхармы в том, что ей подчиняется даже камень, хотя в веках он молчит об этом. А вот мышь в целесообразности её движений, в её стремлении к питанию зерном и к размножению – есть в наших глазах не более, как само по себе мельтешащее хаотично существо... Мы видим в мыши не Вечность, а лишь серую сумму куда-то спешащих движений. На самом деле *вечный двигатель Жизни*, живущий в каждой мыши, в её родовом потенциале, убеждает нас и в «регламенте» вечной Дхармы, и в том, что мир динамически вечен, в какие бы формы и энергии он ни преобразовывался, меняя свои причудливые и насмешливые лики...

ДВОЙНИК

Дома, дома и над ними – далёкий факел заката. Стихия воздуха меркнет.

Когда почти стемнело, зашёл я к приятелю. У него собрались друзья. Они много говорили, но без огня. Беседа их была – как разорванная рыбацья сеть, у кромки которой дремлет заблудившийся в лунном свете маленький паучок – неторопливая, но живая точка жизни.

Ушёл в соседнюю комнату. Там было темно – не хотелось ни света, ни слов. Кто-то ещё вошёл и чиркнул спичкой в темноте. Стоя к вошедшему спиной, я не увидел огня. Лишь неясный ответ на стене.

Каждый из нас глубоко молчал о своём. И когда я далеко ушёл в размышлении, послышались уходящие шаги. Как и тот, ушедший, я извлёк из кармана коробок и зажёл спичку – в темноту. На миг высветилось настенное распятие и угасло во мраке.

Тлела в руке прогоревшая спичка. И тут в полной темноте я увидел второй уголёк светящейся точки. Вопреки реальности, моя спичка, холодная, выгоревшая, вновь засветилась, и ответный огонёк стал ярче.

Я помахал огнём в воздухе и незримая рука ответно повторила движение. Что-то заставило меня включиться в игру, какое-то предчувствие... Но что это за игра? В призрак, ироническую загадку пространства? В театр теней, где тени играют актёров? Была какая-то особая странность в тех ответных движениях, и эта странность перекрывала для меня своего загадочностью необычность происходящего. Но я не мог понять, в чём она заключена.

И тут – озарение! – я заметил, что он, неизвестный, – левша. Он движения мои повторяет наоборот. Значит, если я встретил своего двойника, то он – повторение меня, но – обратное повторение, моя полная отражённая противоположность. Внешнее сходство разобьётся о невозможность понимания, о безысходность контакта.

Но... в нём есть пустота от отсутствия меня, а во мне есть пустота от отсутствия его... Неужто настал час единства?

И – из меня – шаг к нему. Тайнство слова уже рождалось в груди. Но чем ближе я подходил, тем более тускнели, умирали в руках наших огни, был уже виден – знакомый абрис фигуры. Дыхание стеснилось, как перед трудным прыжком. И за спиной кто-то безжалостно включил свет. Ослеплённый, я различил перед собою только старинную раму зеркала и в отчаянии сделал последний шаг.

Темнота вновь замкнулась надо мной. Я обернулся к струящемуся из-за спины свету, поражённый. В руке моей яркий вспыхнул огонёк. Наши огни и наши глаза на миг встретились. Ток незримой волны коснулся нас. Он, неизвестный и близкий, стоял в светлом проёме на том месте, где только что был я. Он стоял, на меня похожий, и смотрел в меня. Но в глазах его я прочёл – прощание, и понял со светлой решимостью – настала его очередь.

Комната оптически исказилась. Я увидел звёзды над собою. Почувствовал парение и свободный, уносящий полёт. Успел лишь различить в безвоздушном просторе исчезающую точку, подобную планете, на которой остался жить он, затепливший мне огонёк в темноте.

ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

Сад тёплый, осенний, затянутый поблескивающей паутиной, – засыпающие цветы, трепет последнего тепла.

Во всю протяжённость спуска из сада под гору по прутьям решётки ветвится, струится побегими виноградная лоза. Я спускаюсь под нависшей тяжестью тёплых зеленоватых гроздей. Виноград свисает в обрамлении желтеющих листьев.

И вот уже внизу, у порога горы, – сумеречный овраг. Цветы здесь белые, замершие, ждущие. Ручей – тихий, как осторожный зверь, быстро крадущийся меж камней, холодный, как глаза зверя.

Пока я спускался, смотрел. Всё увиденное становилось мною, и ручей и грозди, рождённые в позднее солнце и нисходящий, осенний путь.

Там, внизу, я ступил в нетронутую зелёную траву – и увидел тень...

У тени изумрудные глаза. Они глядят – весело, остро, дико.

Искристые глаза из тени наблюдают – способен ли я на удивление, на звук, на слово, на страх...

Когда я понял их выражение, я собрал к центру груди моё солнечное тепло и через зрачки, не отрываясь от обманчиво-спокойной зелени на меня глядящих глаз, выпустил силою потока лучи – в зелёный, чуткий мир. Зелёные, зрячие кружки сощурились, выгнулись овално. Невидимым лучом я сказал зелёным глазам:

– Твоя жизнь тёмная, она крадётся меж скал. Взгляд твой приковывает, сила твоя опасна не носящему в груди света. Но солнцем в груди я понял твою углублённость зрачков, копящий блеск и первобытную, радостно возбуждённую кровь.

Я буду любоваться тобою, а ты – смотреть на то, что притягивает тебя во мне, что не позволяет одолеть порог силы твёрдой, невидимой, отделяющей сейчас – твою холодную улыбку от прыжка.

Во взаимоприятии сил – наш огонь. Мои глаза тоже искристы, – тело моё тоже гибко и опасно для тебя... Мирно встретились только глаза, только глаза, мимо смерти скользнула – их таинственная, как равновесие, встреча...

Я поднял руку над головою, – солнечный луч коснулся кончиков пальцев – и отразил в ладони – небо...

Большая, пушистая, зеленоглазая рысь, оглядываясь и улыбаясь острым оскалом, упруго вздрагивая хвостом, уходила, переступая сильными когтистыми лапами по древней зелёной траве, мягкой и сочной, как во времена, когда к Адаму приходили звери и прилетали птицы.

Ночь создала сову, чтобы было существо, преданное темноте. Когда нависает и царствует день, сова, сложив сердитые крылья, прячет в еловых ветвях преданность ночи. Когда вечерний краснеющий шар спускается в облачный дым горизонта, сова чувствует наступление ночного бдения во имя той лунной слепоты, которая видит всё...

Полёт совы – скольжение в час молчания птиц, в час, когда видны мерцающие перекрёстки высоких путей. Люди, не засыпающие в ночь, обращают глаза к зрячим точкам и лучам. И над ними, не достигая высоты светлых сплетений, пролетает в синей мантии тишины – вещая птица тёмной преданности.

ПОСЛЕДНЕЕ БЕГСТВО

Она не знала, почему живёт в этих ночах, отчего – страшно, почему – не заснуть.

Случайное пристанище бегства – нечто среднее меж полуразрушенной часовой и гротом. Здесь камни покрыты пылью. Камни роняют пыль, бегство роняет страх...

Первый страх испуганной птицей коснулся её в тот день, когда стало казаться, что невидимая за плечами стена огня начинает движение, наступает, стоит только закрыть глаза. С тех пор пылающий под небо огненный вал преследует, гонит её дальше и дальше...

И вот здесь, в случайном, робком меж скал убежище, она широко открыла глаза, шевельнулась ящерицей на камне. В бессонном пещерном холоде пыльный покой, обманчивый, как ночной свет.

Посмотрела из каменного пролома на звёзды. От них – высоко, неярко, покорно. Снова прислушалась к себе, снова чуть не закрыла глаза – но опасение бегства остановило тяжелеющие в сон веки.

Вокруг – только ночь и тишина, их долгое тихое сомнение...

Она сидела в убежище тишины на камне пока, испугавшись её покоя, не отлетел, не покинул последний страх...

На лице слабым отсветом потухающих стен задремала улыбка уходящая, бледная, как последняя заря.

Глаза её так и остались открыты.

ОТПЛЫТИЕ

– Возьмите вёсла! – приказал кто-то, – Гребите! – Мы отплываем от слабо-мерцающего берега. В тоскливом предчувствии, уже обращённом в прошлое, встанут образы воздуха и простора, которые я оставляю навсегда на том берегу. Воспоминания, набегаая, тревожат, как несбывшиеся сны...

Особенно жалко своего одиночества в час лучистого восхода в горах. Опуститься бы снова на колени пред малым зелёным ростком, по которому ползёт крохотное, но убеждённое в своём движении существо. Стоять бы, вдыхая мятно-зелёный свет, слушать, как там, внизу, шумит куда-то река – её тихий, протяжный напев, как полёт вечности над седою скалою.

Но я уже в лодке – мы отплываем – наше солнце закатилось, слышен только чей-то безустый шёпот, слепой, как волны. Он шепчет, повторяя:

– Гребн, гребн, Харон!..